

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 37, Is. 3, pp. 641-649, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 930.253

The Archival Sources for the History of the Liquor Trade in the North-East of Russia in the Late XIX – Early XX Centuries (Funds of the National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia))

Oxana P. Kolomiets

North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute N.A. Shilo Far East Branch, Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Energetikov street 15, Anadyr city, Chukchi autonomous region, 689000

PhD (History), Head of the Chukotka comprehensive study sector
of the History and Economics Laboratory

E-mail: okkolo@mail.ru

Abstract

In the article the complex documents of the end XIX - the first quarter of the twentieth centuries is researched which are stored in the collections of the National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya) and concerned the sale of alcoholic beverages to indigenous people of the North-East of Russia. Documents have different safety and value of source, some of them shed light on the problem of the liquor trade in the late XIX - early XX centuries. Yakut and Kolyma merchants, American entrepreneurs were active in trade with the aboriginal population of the North-East of Russia including the Chukchi, Yukagirs, Eskimos. Legislation of the Russian Empire prohibited alcohol trade in resettlement sites of the indigenous population but the facts of illegal trade were repeatedly documented and analyzed by the administrative authorities. Using of the described above historical documents and taking into account available materials allow more deeply reveal the questions on the role of Russian merchants in the liquor trade, on the administrative regulation of wine and liquor market, on the specific actions of the authorities to solve the problem of indigenous alcohol takers including the Chukchi population. With the introduction of the new documentary sources in the research process it will be possible to explore the problem of liquor trade in the North-East of Russia in the late XIX - early XX centuries.

Keywords: archival sources; trade relations; alcohol; the illegal sale of alcohol; indigenous people; Chukchi; merchants; American traders; government supervision; North-East of Russia.

Введение

Проблема торговли алкоголем среди коренных жителей Арктики актуальна уже не одно столетие. В период XIX – начале XX в. спиртные напитки активно завозили в регион русские купцы, американские промышленники и торговцы, что пагубно влияло на жизнь и здоровье аборигенного населения. Представляется весьма интересным проследить, какими мерами в Российском государстве пытались предотвратить процесс спаивания чукчей, юкагиров, эскимосов и др. народов. В настоящей статье мы проанализируем документы конца XIX – первой четверти XX в., которые хранятся в фондах Национального архива республики Саха (Якутия) (НАРС (Я) и касаются продажи спиртных напитков коренному населению Северо-Востока России. Ранее были охарактеризованы состав и информационные возможности документов Государственного архива Чукотского автономного округа по истории торговли коренных жителей Чукотки с американскими компаниями в конце XIX – первой четверти XX в. [1]

Материалы и методы

Массив делопроизводственных источников, имеющих в фондах (НА РС (Я) по интересующей нас проблематике можно условно классифицировать на несколько основных видов: организационно-

распорядительная документация (циркуляры Министерства внутренних дел, указы, предписания, приказы, отношения Якутского областного управления, Якутского губернатора, Колымского окружного исправника, донесения Колымской инородной управы и т.п.); протоколы и постановления сходов родоначальников, инородцев Колымского округа; текущая переписка Колымского окружного исправника с Якутским областным управлением, учетная документация (списки купцов, мещан, казаков, юкагиров Колымского округа; сметы сборов податей и повинностей по Колымскому округу; статистические ведомости), отчеты Колымского окружного исправника.

Вышеперечисленные документы имеют разную сохранность и источниковедческую ценность, отдельные документы и группы документов проливают свет на интересующую нас проблему торговли спиртными напитками в к. XIX – н. XX в. В данной статье раскроем их состав и информационные возможности.

Обсуждение

В исторической литературе не раз отмечалась проблема пьянства на Северо-Востоке России. Причем это пагубное пристрастие было характерно и для аборигенного населения и для русских старожилов. Чиновники и торговые люди умело использовали эту слабость. В материалах по истории Якутии содержатся сведения о том, что еще в XVII в. угощение вином из «государевых запасов» считалось побудительной мерой для выплаты ясака ясачными плательщиками. В 1660 г. на угощение ясачных людей было израсходовано 700 ведер меда и хмельного кваса [2].

По сведениям В.Г. Богораз-Тана «в Колымском округе торговля спиртом представляет одну из важнейших статей русской торговли с чукчами. Город Средне-Колымск ввозил с юга до 300 бочонков неочищенного спирта и был центральным пунктом, откуда спирт развозился по селениям и стойбищам. Торговцы употребляли всевозможные хитрости, чтобы избежать официальной бдительности, когда она становилась не просто номинальной» [3]. Для купечества спирт был беспрюирышным вариантом торгового обмена с охотниками. А.В. Олсуфьев в своем очерке о быте и экономическом состоянии населения Анадырской округи писал: «И счастье кочевнику, если торговец не привез с собой немного водки для поощрения торга. При одном известии о водке, чукча весь преобразается. Он совершенно забывает о важности для него предстоящего торга и умоляет друга дать ему немного живительной влаги. Торговец не заставляет себя долго просить и подносит стакан, другой слабой водки, которую, разумеется, не забыл для придания ей одуряющих свойств щедро настоять на махорке. Жена чукчи, полная хозяйка внутри юрты, тоже получает свою порцию. Вскоре хмель и махорка делают свое дело – друзья торговца становятся уступчивыми и отдают свой запас, весь доход годового хозяйства, за какой-нибудь им вовсе не нужный кусок гнилого ситца или связку дешевых бус. Инородца, находящегося под влиянием хмеля, нетрудно прельстить подобными приманками, обычное благоразумие и хозяйственность чукч совершенно их тут покидают» [4].

А.А. Ресин, повествуя о проблеме пьянства среди береговых чукчей, отмечал, что особенно много пили в дни торговли: «до какой степени развито пьянство среди этого народа, можно судить уже потому, что нам случалось видеть таких, которые постоянно на ремне под кухлянкою носят бутылку водки, от времени до времени отпивая из нее. Главный предмет их спроса и более всего ценимый товар – это именно водка и можно с уверенностью сказать, что из двух судов, идущих к чукчам, то, которое будет нагружено более или менее нужными им предметами и даже ружьями Венчестера, не будет в состоянии в два месяца сделать то, что в две недели сделает судно, нагруженное исключительно водкой. При этом в поселках были люди вовсе не пьющие. Из них выходят местные купцы: они запасаются на зиму от американцев водкой, распродают ее зимою, скупают товары и таким образом обирают и спаивают своего же брата» [5].

Врач ледокола «Таймыр» Л.М. Старокадомский писал: «Выше всего эскимосы ценили спирт. Один эскимос просил за великолепную шкуру белого медведя бутылку водки. Мы категорически воспротивились такому обмену. Владелец шкуры очень огорчился. Русские научные работники, понятно, не могли воспринять американские методы обмена, а эскимос «никаких других продуктов, кроме водки, не хотел брать. Сделка не состоялась» [6].

Также из воспоминаний чиновника Ресина мы узнаем о способе перевозки алкоголя: «Чукчи – торговцы развозили винчестеры, патроны, а главное, конечно, водку (американский ром), выменивали у оленеводов олени выпоротки, шкуры и мясо. Ром этот, и без того часто разбавляемый американцами водой разбавляется еще чукчами и нередко просто морской водой; кроме того, для перевозки чукчи наливают его в мешки из нерпичьей шкуры, в которых прежде был отвратительный на запах нерпичий жир. Мне случалось как-то видеть один из способов самой разливки водки по мешкам: не имел воронки для разливки, но вместе с тем опасаясь пролить хоть каплю драгоценной влаги, чукча набирал полный рот ее из жестяной банки и затем бережно переливал в узкое отверстие мешка. Казалось бы, все это должно отбить аппетит у потребителей ее, но нет, водка все-таки раскупается прежде всего [5].

Автор отчета о Пантелеевской ярмарке 1904 г. прямо указывает причинно-следственную связь между отсутствием спиртного на ярмарках и нежеланием коренных жителей участвовать в них: «О причинах своей малочисленности чукчи дают объяснение: «огненной воды нет, скучно ходить на ярмарку. Не смотря на то, что спирта пять последних лет вовсе не было на ярмарке, чукчи каждый раз

первым долгом справляются, разрешено ли продавать спирт, узнав, что нет, уходят недовольными» [7].

В уточнении Колымского окружного исправника по обстоятельствам похорон чукотского тойона Эйгели содержится информация о причине смерти Эйгели: «Так называемый чукотский король (тойон) Эйгели, у которого я прожил пол года в 95 году, скоропостижно умер. Он прикочевал к Средне - Колымску с транспортом купеческой клади из Гижигинска, остановился в 30-ти верстах от города и, опорожнив бутылку спирта в честь своего прибытия умер в ту же ночь от «разрыва сердца», как гласит медицинский протокол о его смерти» [8].

Следует отметить, что среди чукчей были и те, кто не употреблял алкоголь и табак. Также путешественники и чиновники указывали на то, что из коренного населения наименьший интерес к спиртному проявляли кереки.

Результаты

Законодательство Российской Империи, регламентирующее оборот спирта среди коренного населения. Законодательство Российской Империи строго запрещало торговлю спиртом в местах расселения коренного населения, но факты незаконной торговли неоднократно фиксировались и разбирались в административных органах. Нарушителей наказывали вплоть до лишения прав на торговлю до 10 и более лет. При этом купцы умело обходили закон, ухитряясь использовать спирт как самый ходовой ценный товар, приносящий огромную прибыль купечеству [9].

В «Положении об акцизно-откупном комиссионерстве для продажи с 1847 по 1851 г. казенного вина и других питей в Сибирских губерниях» было указано, что «инородческим народам в Сибири живущим, для домашнего обихода, по древнему их обычаю, дозволяется делать из квашенного молока кумыс и кумысное вино, но с тем, чтобы напитки эти не были вывезены из их жилищ и продаваемы, или чтобы под видом оных не было выкуриваемо хлебного вина. За всем этим предоставляется откупщикам, сверх полицейского надзора иметь собственное наблюдение. Всякая развозка между инородцами как Западной, так и Восточной Сибири, крепких напитков со стороны откупщиков и русских промышленников, строжайше воспрещается, под опасением взыскания по закону, но не воспрещается самим инородцам покупать вино в местах откупной продажи, сколько кто пожелает, и провозить оное к своим семействам как для собственного их домашнего потребления, так и для перепродажи от одного инородца к другому, с тем только чтобы Инородные Управы наблюдали, дабы нигде не были заведены среди инородцев постоянные места для продажи вина, купленного в вышеозначенных местах» [10].

Периодически бывали случаи когда, якутские торговцы или чукотские торговые посредники-поворотчики привозили обманным путем на ярмарки или в стойбища значительные количества алкоголя [3].

В Постановлении Колымского окружного полицейского управления от 24 июля 1888 г. содержатся сведения о противозаконной торговле якутов, казаков Средне-Колымской, Нижне-Колымской казачьих команд, старшины оленных чукоч Большой тундры, Колымского округа Андрея Эттыгина хлебным спиртом в Нижне-Колымске и Анюйской крепостце [11]. За незаконную торговлю в запрещенных местах, пойманных граждан подвергли денежному штрафу в размере 25 рублей с каждого. Для того, чтобы и в дальнейшем пресекать подобные действия, поимщикам торговцев выдавали денежные вознаграждения, полученные от аукционной продажи конфискованного спирта (половину от всех вырученных средств, вторая половина шла в казну).

Весьма интересен документ «Рассмотрение вопроса об упорядочении торговли крепкими напитками в отдаленных округах Якутской области Общим присутствием Якутского областного Управления 30 июля 1898 г.» [12]. В нем была изложена история истолкования Положения Устава об инородцах Сибирских 1822 г., которые касались продажи и покупки спиртного коренным населением. За нарушение запрета продажи спирта была возложена ответственность на местные инородческие управления, независимо от взыскания с них виновников. При рассмотрении злоупотреблений, местное начальство в лице Генерал – Губернатора Западной Сибири сообщило в Министерство Внутренних Дел, что по доносам инородцы изыскивают средства ввозить к себе вино [13], что случаи скрытного вывоза инородцами вина весьма вероятны, но доказать их невозможно вследствие множества участвующих в этом лиц и возможных злоупотреблений должностных лиц. Чиновник считал, что следует или совершенно прекратить продажу вина в местах, близких к жительству инородцев кочевых и бродячих или разрешить неограниченную продажу его, потому что умеренное употребление его в суровом климате необходимо для здоровья, так и для того, чтобы истребить злоупотребления и притеснения. В ответ последовали разъяснения Сибирского комитета (которые были утверждены 29 ноября 1833 г.) «что существующими правилами не запрещается самим инородцам покупать вино в местах откупной продажи и привозить оное к своим семействам для собственного их домашнего употребления, они только не должны перепродавать, или как они выражаются, променивать или одалживать оное никому другому и строжайше за сие отвечают наравне с другими подобными продавцами оной» [14].

Далее в документе повествуется, что 2 ноября 1844 г. Начальник Якутской области Старший Советник Рудаков представил ревизовавшему Восточную Сибирь Сенатору Толстому доклад о современном состоянии области и, в нем указывал, что «для улучшения быта Колымских и Верхоянских инородцев и вообще для блага обитателей тамошнего края не исключая и русских, я считаю необходимым воспретить ввоз и продажу там всяких горячих напитков, которые употребляются там по малопашению и

бедности русских преимущественно инородцами и страсть которых к пьянству год от года возрастая, доводит их до бедности и развращения, а по времени может довести и до совершенного разорения. [15]. Автор документа указал, что из-за пожара 1890 г., в котором был уничтожен архив Областного Управления, не сохранилось сведений о дальнейших ходатайствах местной администрации по вопросу о торговле вином среди коренного населения, что «за последнее время в отчетах исправников и даже Всеподданнейших отчетах Господина Якутского Губернатора постоянно указывается на злоупотребления от этой торговли». Местная администрация принимала меры к прекращению злоупотреблений по торговле вином среди инородцев, но меры эти далеко не всегда достигали желаемой цели [16].

Анализ архивных документов позволяет говорить о том, что в конце XIX в. законодательство в части ограничений и запретов торговли спиртом фактически не работало. Российская власть так и не смогла дотянуться до многих мест Северо-Востока Азии [17].

Роль купечества в торговле спиртом. В XIX в. Якутские и Колымские купцы вели активную торговлю с аборигенным населением Северо-Востока России, в том числе с чукчами, юкагирами, эскимосами.

Несмотря на неоднократные официальные запреты на продажу спиртных напитков народностям Севера, купцы широко использовали алкоголь во всех формах торговли. Так, по официальным данным, только в Петропавловском уезде в 1909 г. потреблялось до 5 тыс. ведер спирта и до 1500 ведер водки. В Колымском округе в 90-х гг. ежегодно реализовывалось до 750 ведер спирта [9]. Н.Л. Гондатти писал: "Если бы на Анюйской ярмарке не продавался спирт, то можно с уверенностью сказать, что туда стали бы ходить лишь ближайшие чукчи. Теперь же, благодаря этой приманке, которой здесь нет (в Марково), туда продолжают ходить и дальние чукчи. С Гижигинской ярмарки товаров с ярмарки привозят немного и, преимущественно: спирт, конский волос, прядевой холст, масло и металлические изделия [18]. Чиновники отмечали дороговизну товаров в Гижиге: "так фунт Черкасского табаку стоит 1 рубль, бутылка водки – 3 рубля, аршин дрели - 1 рубль и т.п." [5].

Сохранились многочисленные сведения о том, что купцы для достижения наибольшей выгоды в торговле с коренным населением, как самое беспроборное средство использовали спирт: "Надлежащим угощением была водка, без которой не могла состояться ни одна коммерческая сделка, как из-за страстных настояний звероловов, так и из-за трезвого расчета купцов. Торговля спиртным теоретически была незаконной, но практически – повсеместной [19]. «Водка хотя и продавалась... чукчами, то как за безвредное и простое обыкновенное даже. Конечно водка, как угощение для чукчи, облегчает скупки с чукчами, но покупатели совершенно злоупотребляют пьянкой» [20].

В 1885 г. с китобойной шхуны «Сибирь» было продано товаров на сумму 5810 рублей, из них спирту на 1641 руб. (96 ведер из 99, бывших на шхуне: на всем остальном побережье продано 2 1/2 ведра). На обратном пути многие уже отказывались торговать потому, что на шхуне не было спирту. Кроме спирта пользовались спросом винчестеры и черкасский табак [5]. С. Ресин, находившийся на борту шхуны, по результатам своих наблюдений дал несколько рекомендаций относительно торговли: «Для чукчей конечно было бы желательно, чтобы их берега посещались русским купечеством. Выгодность опыта торговли на китобойной шхуне «Сибирь» уже после прохода вдоль берега американцев, не может не послужить хорошим примером. Судам, отправляющимся под русским флагом для торговли с чукчами, должна быть разрешаема, по крайней мере на первое время, продажа водки, так как без нее торговля сразу хорошо не пойдет. Но преследование деятельности иностранцев должно вестись непременно с полной энергией [5].

Постепенный упадок с 60-х годов XIX в. Колымско-Анадырских ярмарок связан, прежде всего с тем, что на них стали продавать мало спирта, или не завозили вовсе. Американские промышленники, наоборот, в этот период заметно активизировали свою торговую деятельность. В донесении Якутскому губернатору от Колымского окружного исправника о Пантелеевской ярмарке (22 мая 1905 г.) говорится: «...Я уже неоднократно объяснял причину падения ярмарки: 1. Постепенное исчезновение зверя; 2. Торговлей американцев по северо-восточному берегу и 3. Мелкою торговлею с чукчами местного населения» [21].

В Архиве РС (Я) имеется «Дело по отношению Анадырского окружного начальника о незаконной продаже нижнеколымским мещанином Кошелевым Фёдором (Алексеевичем) водки чукчам» [22]. В материалах представлено письмо Чукотского миссионера Иеромонаха Венедикта о том, что Нижнеколымский житель Федор Кошелев ввозил в тундру водку для продажи чукчам и «имел дерзость именовать себя при торговле с чукчами каким-то «царским приказчиком». В письме повествуется, что жители рассказывали священнику о стоимости товаров и водке, «о которой они отзывались с дурной стороны, говоря, что Кошелев продает им сивушную совсем водку, наливает слишком много в спирт воды, так что водка не придает никакого опьянения, ни веселья, а берет за водку дорого» [23]. Ф.А. Кошелев отрицал факт незаконной торговли спиртом среди чукчей: «... обмен производил табак и чаю между знакомыми чукчами на продукты их хозяйства по установленному исстари между ними обычаю, но все переписки и много через донесения Высокоблагородия г. Колымскому окружному исправнику ... вымышлены» [24].

Для мелких и начинающих торговцев спирт был средством беспроборной торговли и стремительного обогащения. Например, в 1909 г. в селе Усть-Белая торговец Малков, начав торговлю с иголок, ниток, кож морзверя, "...через два-три года развил бурную деятельность..., за бесценок скупал у

чукчей пушнину, бессовестно спаивал чукчей, давал товары в долг на кабальных условиях, обманывая, обирал дочиста" и превратился в крупного коммерсанта. В Охотско-Камчатском крае мелкие агенты оптовых фирм Бушуевы, Брагины, Колесовы, Косыгины, а в Колымской крае – братья Бережновы, Калининны, Суворов в короткий срок достигли масштабов крупных местных купцов [9].

Роль иностранных промышленников (предпринимателей) в торговле спиртом на Северо-Востоке России. Весьма интересны сведения, содержащиеся в документе «Донесение с представлением записки о ходе Анюйской ярмарки господину Якутскому губернатору от Колымского окружного исправника» от 8 мая 1892 г.: «Из бесед своих с дикими носовыми чукчами я узнал, что у них в прошлом 1891 году... американцы все более увеличивают свою самопроизвольную промышленность и контрабандную торговлю между чукотскими лагерями и всю свою энергию сосредоточили на возможно большей добычи пушных зверей в особенности истреблении бобров, а также на обирании и спаивании самих чукоч. Американцы опаивают чукоч привозимыми ими на своих китобойных судах ромом и «виски», коих в 1891 г. привезено было к чукотским берегам до пятидесяти больших морских бочек, при этом американцы эксплуатируют чукоч самым безжалостным образом, и в подрыв русскому купечеству, приезжающему на Анюйскую ярмарку, обирают у чукоч самую лучшую рухлядь, оставляя из нее русским один только брак. Для этой цели на мысе чукотский Нос у Берингова пролива американцами устроена постоянная торговая фактория, ведущая значительный торговый оборот всевозможными товарами и спиртными напитками, беспрепятственно и беспопынно привозимыми с американского берега». Чиновник в качестве действенных мер по пресечению контрабанды и поддержки русского купечества предложил ввести крейсерство вокруг Чукотского носа [25]. А.Е. Дьячков писал в своей документальной повести: «Со времени сношений чукоч с американцами как привоз ими пушных зверей, так и их численность быстро стали уменьшаться. Чукчи сами рассказывают, что американцы у них закупают за спирт как пушнину, так и продукты морских промыслов, отчего они становятся беднее и беднее, потому что чукчи, как береговые, так и кочевые, сильно привержены к спирту и пьют без всякого воздержания. Численность чукоч уменьшается по причине частых убийств во время пьянства, и множество их гибнет от запоя» [26].

А.А. Ресин отмечал, что по пути в бухту Провидения часто встречались байдары с товарами, купленными у американцев и которые чукчи везли для перепродажи в Анадырскую Губу и далее вверх по реке Анадырь. Главным товаром был ром [5]. Описывая общее впечатление от знакомства с оленными группами чукчей, Ресин подчеркивал, что «они живут безбедно и по своему в хорошей обстановке. На что следует обратить внимание, так это на растущее среди них пьянство, как следствие деятельности американцев у наших берегов» [5].

На наш взгляд, особого внимания заслуживают факты привоза в стойбища некачественного алкоголя. В литературе к. XIX в. приводятся примеры того, как торговцы разбавляли спирт соленой водой, настаивали его на махорке, перце и т.п.: «По словам чукчей, ром, который они запасают на зиму, часто замерзает, а следовательно, разбавляется водой. Конечно, в этом беды нет, но от времени до времени разбавляя его, смотря по количеству его на судне и ходу торговли, чтобы он вместе с тем не терял своего цвета и одуряющего свойства, его настаивают на американском табаке» [5].

В Донесении Якутскому Губернатору от 22 мая 1905 г. приводятся сведения, что «пришедший после ярмарки в селение Нижне-Колымское, старик-чукча Вадергин рассказывал, что он каждый год бывает у носовых чукчей, что торгует с американцами, у которых можно все достать, а главное водки, сколько угодно...» [27].

Особенно быстро обогащались иностранные купцы, занимавшиеся в широких масштабах обманом и спаиванием местного населения. Много спирта завозили в регион и японцы. В первой четверти XX в., как свидетельствуют архивные документы, коренное население Охотского побережья также большую часть пушнины отдавало японским промышленникам в обмен на контрабандный спирт. Стоимость бутылки спирта доходила до 15-20 белок [28].

Чтобы пресечь массовое спаивание коренного населения, русское правительство в 1912 г. приняло ряд неотложных мер; была введена государственная монополия на завоз спирта в регион. Пароходы, паузки и лодки подлежали тщательному досмотру. Но приостановить контрабанду спирта было почти невозможно [9].

Меры по пресечению контрабанды спирта и спаивания населения северных регионов. В архиве Колымского окружного исправника Анатовского имеется ходатайство от 20 февраля 1865 г. В нем чиновник просит прекратить в Колымском продажу вина со стороны казны, и «не допускать этой продажи и ввоза туда напитков частным лицам, потому что жители и без того бедные приходят в совершенную нищету и разорение» [29]. Якутское областное Управление приняло меры к уменьшению ввоза в Колымск казенного спирта. При этом, в Управлении меру по полному прекращению продажи спирта посчитали неоправданной, «потому что торгующий класс при неимении в Колымске других спиртных напитков, будет вывозить спирт для собственного употребления, и здесь со всею вероятностью можно заключить будет более злоупотребления, нежели пользы для жителей при скрытой продаже [30].

В Якутском областном управлении предлагали выступить населению Колымского края с коллективным ходатайством о закрытии в Колымске питейных заведений [31].

В конце XIX в. Правительство начало применять более действенные меры по ограничению продажи алкоголя среди коренного населения. Начинается сбор и обработка статистической информации о торговле вином и спиртом. В 1898 г. вышло Предписание Колымскому окружному исправнику из

Якутского Областного Управления, в котором давались инструкции по сбору подробных сведений о виноторговле. Предписывалось дать ответы по каждому округу отдельно. Чиновникам было необходимо собрать информацию по довольно широкому кругу вопросов, таких как: количество питейных заведений, стоимость патента и дополнительных сборов, кем патенты выданы, кому и на основании каких документов; сколько ведер вина (в 40 % крепости) каждое питейное заведение продает в год; откуда и каким путем доставляется вино в местное питейное заведение (подробно: стоимость провоза, условия доставки, дорожная трата и пр.); средняя стоимость ведра вина (в 40 %) на месте «ведерно» и «раздробительно» в продаже; стоимость помещения приказчика и прочие расходы по каждому питейному заведению; кто является в данной местности главным потребителем вина; как установить точную регистрацию привозимого в край вина; в состоянии ли местная полиция следить, чтобы вино в край привозилось исключительно по провозным свидетельствам; в каком состоянии находятся наблюдения за виноторговлей; посещаются ли местные питейные заведения чинами полиции, проверяется ли крепость продаваемого вина, продается ли вино исключительно на наличные деньги или в долг, в обмен на предметы промысла; известны ли полиции фамилии и личности местных купцов, ведущих торговлю среди инородцев, имеется ли возможность получить какие-либо сведения о количестве привозимого ими с собою вина и может ли установление особых разрешительных свидетельств на покупку и провоз по округу вина – оказать какое-либо влияние на уменьшение безпатентной торговли вином; может ли полиция указать торговые пункты округа, где чаще всего практикуется безпатентная торговля или меновая вином и возможно ли вообще в этих пунктах иметь наблюдение за торговыми оборотами приезжающих купцов [32].

Колымским окружным исправником были представлены ответы купцов (И.Н. Бережнова, Н.Б. Васильева, И. Порнякова, Н. Бережнова) и сводный отчет о виноторговле. Так, судя по отчету, в 1898 г. в Колымском округе существовало 2 питейных заведения. Патенты на виноторговлю стоили 200 руб. Каждое питейное заведение продавало в среднем от 60 до 70 ведер спирта крепостью от 78 до 80 %. Весь спирт доставлялся из г. Якутска вьючным путем. Дорожные затраты достигали с $\frac{3}{4}$ ведра с $\frac{1}{4}$ ведра. Средняя стоимость ведра спирта 78–80 % 45 руб. Главными потребителями спирта являлось городское население – 70 %, затем иногороднее русское население – 10 %, якуты – 8 % и остальные инородцы (ламуты, юкагиры, чукчи, тунгусы). Колымский окружной исправник особо отметил, что точную регистрацию привозимого в округ вина можно установить только при введении казенной монополии. Установление питейных привозных свидетельств сохраняло возможность вывоза спирта контрабандным путем. Продажа спиртного осуществлялась за наличные деньги, но чиновники предполагали, что ламуты и чукчи привозили пушнину именно к купцам, торгующим спиртом для обмена. Случаев продажи спирта по округу в развоз не было зафиксировано [33].

Чиновниками проводилось информирование населения о различных мерах по пресечению торговли спиртом. Сохранилась расписка 1882 г. от инородцев 1-го Мятюжского наслега в том, что им на общем собрании было прочитано предписание Господина Колымского окружного исправника «о воспреещении ввоза спирта в Нижнеколымскую часть округа и торговли оным, а также и о мерах, какие приняты будут полицейским Управлением для прекращения противозаконной продажи спирта» [34].

В 1883 г. вводится регулярное крейсерство в Беринговом море военными кораблями. Но они приходили туда во второй половине лета, в то время как американские суда уже успевали побывать во всех населенных пунктах пролива. «Хищники стали более изощренными и изворотливыми» [35]. Опасаясь быть захваченными врасплох русскими судами, контрабандисты меняли тактику. После случаев конфискации их судов они начали создавать свою агентуру среди чукчей и эскимосов, по преимуществу из торговцев, с которыми и вели оптовые сделки [35].

Колымским окружным полицейским управлением проводилась работа по поиску путей ввоза и реализации контрабандного алкоголя. Так, в 1915 г. было открыто дело о задержании в г. Средне-Колымске провозимых контрабандным путем спиртных напитков, принадлежащих мировому судье В.С. Лебедеву и купцу Н.Н. Бережнову [36]. В документах дела говорится, что «ввоз крепких напитков в Колымский округ воспреещен, за исключением лишь предназначенных для врачебных целей, но с особого каждый раз разрешения подлежащих губернаторов» [37].

Время революций и гражданской войны привело к потере контроля за оборотом спирта на Северо-Востоке России. Ввиду военных действий обычные торговые связи были нарушены. Торговля с коренным населением, там, где она поддерживалась, имела грабительский характер, сопровождалась спаиванием, обманом, взиманием дореволюционных долгов и т.д. Чудовищного разрыва достигла разница стоимостей пушнины и привозных товаров [38].

Особенно неблагоприятная обстановка сложилась в северных районах Якутии, на Охотском побережье и Крайнем Северо-Востоке. На Чукотском полуострове и в Анадырском уезде он был вызван истреблением морского промыслового зверя американскими промышленниками, хищническим характером торговли и спаиванием населения, эпизоотиями оленей и падежом собак [38].

Вскоре после установления Советской власти кабальная задолженность этих народностей скупщикам пушнины и рыбопромышленникам была ликвидирована. Сибревком в январе 1921 г. аннулировал все долги народностей Севера частным торговцам и предпринимателям. Аналогичный акт совершил Дальневосточный революционный комитет. В начале 20-х гг. сибирские органы развернули борьбу с обманом и спаиванием малых народностей. Частная торговля была поставлена под контроль

ревкомов и Советов. Продажа спиртных напитков запрещена. В 1924–1925 гг. ВЦИК и СНК приняли специальные постановления с тем, чтобы свести до минимума торговую деятельность частного капитала в местах расселения малых народностей и связанную с ней эксплуатацию, развить там советскую торговлю [38].

Тем не менее, в 1922–1923 гг. по материалам статистики главными видами контрабандных товаров на Дальнем Востоке были: спирт – 25 % ввоза, мануфактура – 25 %, табак – 9 %; галантерея – 6 % [39]. Слабость распределительной сети хорошо учитывалась контрабандистами, захватившими монополию в пушных районах по снабжению охотничьего населения [39].

Только к 1926 г. правительству удалось окончательно закрепить нормы советской торговли на Северо-Востоке. Вместо традиционных, предметов колониальной торговли (табака, спирта, украшений, посуды и т. д.) коренное население стало получать разнообразные товары, необходимые для личного и производственного потребления (муку, крупу, соль, сахар, оружие, различные инструменты, материалы и сырье) [39].

В конце 20-х годов XX в. государство предприняло ряд мер по ограничению и запрещению производства, торговли и сбыта алкогольной продукции. В архиве РС (Я) имеются материалы переписки прокурора по обвинению Якутторга Дальневосточным Комитетом Севера в спаивании коренного населения [40]. Также в материалах дела представлено Обязательное Постановление Президиума ЯЦИК о запрещении самогонарения и бражки [41].

Заключение

В заключении хотелось бы отметить, что использование найденных в НА РС (Я) исторических документов, с учетом опубликованных материалов позволит объективнее оценить роль русского купечества и иностранных промышленников в торговле алкоголем, дополнительно изучить механизмы административного регулирования рынка алкогольной продукции и конкретные меры властей, направленные на решение проблемы спаивания коренного населения.

Очевидно, что спирт был гарантией удачной торговли с коренными жителями, как для русского купечества, так и для иностранцев. Сами жители по большей части подобным методам торговли не противились, скорее алкоголь являлся неотъемлемой частью любой сделки (госторговля, сезонные ярмарки, частная продажа), ее этногеографическим катализатором. Вмешательство государства в форме различных запретительных мер на ввоз и продажу спиртного, штрафов и т.п. было малоэффективным.

Благодаря введению в научный оборот нового корпуса документальных источников появляется возможность шире исследовать проблему торговли спиртными напитками на Северо-Востоке России в к. XIX – н. XX в.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта № 11-31-00725 РГНФ.

Примечания:

1. Коломиец О.П. Документы Госархива Чукотского автономного округа по истории торговли коренного населения Чукотки с американскими компаниями в конце XIX – первой четверти XX в. / О.П. Коломиец // Отечественные архивы. Москва, 2012. №1. С. 55–61.
2. Материалы по истории Якутии XVII в. Документы ясачного сбора. / С.А. Токарев, Б.О. Долгих, С.С. Филиппова и др. М.: Наука, 1970. Часть I. с I по 158 с.
3. Богораз В.Г. Чукчи: Социальная организация. Изд. 2-е. М., 2011. 216 с.
4. Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. Санкт-Петербург: типография Императорской Академии наук, 1896. 245 с.
5. Ресин А.А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана. СПб., 1888. 78 с.
6. История Чукотки с древнейших времен до наших дней. / Н.Н. Диков, В.В. Леонтьева, С.П. Нефёдова и др. Москва: Мысль, 1989. 492 с.
7. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС (Я)). Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 2210. Л. 3 (оборот)
8. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 254. Л. 7 (об.)
9. Исаков А.Н. Краткие очерки истории русской торговли на Северо-Востоке Сибири и Аляске (XVII – XIX вв.): Препринт. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1994. 50 с.
10. НАРС (Я). Ф. 16-и. Оп. 1. Д. 1222. Л. 34.
11. НАРС (Я). Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 1337. Л. 5-5 (об.)
12. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 246. Л. 11-14.
13. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 246. Л. 11 (об.)
14. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 246. Л. 12-12 (об.)
15. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 246. Л. 12 (об.)-13 (об.)
16. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 246. Л. 14.
17. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск: Изд-во Омского государственного университета, 2004. 522 с.

18. Гондатти Н. Оседлое население реки Анадыря / Н. Гондатти // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества / Хабаровск, 1897. Том III. Вып. 1. С.111-165.
19. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
20. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 272. Л. 5, 5 (об.)
21. НАРС (Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 2964. Л. 3 (об.)
22. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 272.
23. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 272. Л. 4-5.
24. НАРС (Я). Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 1500. Л. 1-8.
25. НАРС (Я). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 1084. Л. 2 (об.)-3, 24.
26. Дьячков А.Е. Анадырский край. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1992. С. 163-251.
27. НАРС (Я) Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 2964. Л. 5 (об.)-6).
28. Хаховская Л.Н. Коренные народы Магаданской области в XX – начале XXI вв. Магадан: СВНЦ ДВО РАН, 2008. 229 с.
29. НАРС (Я). Ф. 16-и. Оп. 1. Д. 1804. Л. 155 (об.)
30. НАРС (Я). Ф. 16-и. Оп. 1. Д. 1804. Л. 156 (об.)
31. НАРС (Я). Ф. 16-и. Оп. 1. Д. 1804. Л. 157.
32. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 246. Л. 1-2 (об.)
33. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 246. Л. 4-7.
34. НАРС (Я). Ф. 18-и. Оп. 1. Д. 136. Л. 90-90 (об.)
35. История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки / И.С. Вдовин, Н.В. Кочешков, В.В. Леонтьев и др. Ленинград: Наука, 1987. 286 с.
36. НАРС (Я). Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 3345. 5 л.
37. НАРС (Я). Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 3345. Л. 2.
38. Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917-1932 гг.). Томск, 1968. 334 с.
39. Отчет Дальревкома и Дальэконо за 1923-1924 г. Хабаровск: Красное знамя, 1925. 570 с.
40. НАРС (Я). Ф. 225. Оп. 35. Д. 27. Л. 156-157.
41. НАРС (Я). Ф. 225. Оп. 35. Д. 27. Л. 26.

References:

1. Kolomiets O.P. Documents of the State archive of the Chukchi autonomous district on the history of trade of indigenous population of Chukotka with American companies in the end of the XIX – the first quarter of the XX century / O.P. Kolomiets // Domestic archives. Moscow, 2012. №1. P. 55-61. (In Russian)
2. Materials on the history of Yakutia in XVII century. Documents of Yasachny collection. / S.S. Tokarev, B.O. Dolgih, S.S. Filippova and others M.: Nauka, 1970. Part I. Pp. 1-158. (In Russian)
3. Bogoras V.G. Chukchi: The Social Organization. Ed. 2nd. Moscow, 2011. – 216 p. (In Russian)
4. Olsufiev A.V. The overall sketch of Anadyr region, its economic status and living conditions of the population. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences printing, 1896. 245 p. (In Russian)
5. Reskin A.A. Essay of foreigners of the Russian Pacific coast. St. Petersburg: Typography of A.S. Suvorin, 1888. 78 p. (In Russian)
6. Chukotka history from ancient times to the present day / N.N. Dikov, V.V. Leontiev, S.P. Nefedova and others. Moscow: Mysl, 1989. 492 p. (In Russian)
7. National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia) (NARS (Ya). f. 17-i. Inv. 1, d. 2210. p. 3 (turnover sheet)
8. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 254. p. 7 (turnover sheet)
9. Isakov A.N. Brief essays on the history of Russian trade in the North-East of Siberia and Alaska (XVII - XIX centuries): Preprint. Magadan: NECSRI FED RAS, 1994. 50 p. (In Russian)
10. NARS (Ya). f. 16-i. Inv. 1, d. 1222. p. 34.
11. NARS (Ya). f. 17-i. Inv. 1, d. 1337. p. 5-5 (turnover sheet)
12. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 246. p. 11-14.
13. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 246. p. 11.
14. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 246. p. 12-12 (turnover sheet)
15. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 246. p. 12 (turnover sheet)-13(turnover sheet)
16. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 246. p. 14.
17. Remnev A.V. Russian Far East. Imperial geography of power XIX - early XX centuries. Omsk: Omsk State University, University Press, 2004. 522 p. (In Russian)
18. Gondatti N. Settled population of the river Anadyr / N. Gondatti // Notes of Priamurskiy Department of the Imperial Russian Geographical Society / Khabarovsk: Lithography in the Office of the Governor-General Priamurskiy, 1897. Volume III. R. 1. Pp.111-165. (In Russian)
19. Slezkin Yu. Arctic Mirrors: Russia and the minority peoples of the North. Moscow: New Literary Review. 2008. 512 p. (In Russian)
20. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 272. p. 5-5 (turnover sheet)
21. NARS (Ya). f. 12-i. Inv. 2, d. 2964. p. 3 (turnover sheet)

22. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 272.
23. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 272. p. 4-5.
24. NARS (Ya). f. 17-i. Inv. 1, d. 1500. p. 1-8.
25. NARS (Ya). f. 12-i. Inv. 1, d. 1084. p. 2 (turnover sheet)-3,24.
26. Diyachkov A.E. Anadyr region. Magadan: Magadan publishing house, 1992. Pp. 163-251. (In Russian)
27. NARS (Ya). f. 12-i. Inv. 2, d. 2964. p. 5 (turnover sheet)-6.
28. Khakhovskaya L.N. Indigenous peoples in the Magadan Region in XX – early XXI centuries. Magadan: NECSRI FED RAS, 2008. 229 p. (In Russian)
29. NARS (Ya). f. 16-i. Inv. 1, d. 1804. p. 155 (turnover sheet)
30. NARS (Ya). f. 16-i. Inv. 1, d. 1804. p. 156 (turnover sheet)
31. NARS (Ya). f. 16-i. Inv. 1, d. 1804. p. 157.
32. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 246. p. 1-2 (turnover sheet)
33. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 246. p. 4-7.
34. NARS (Ya). f. 18-i. Inv. 1, d. 136. p. 90-90 (turnover sheet)
35. History and Culture of the Chukchi. Historical and ethnographic essays / I.S. Vdovin, N.V. Kocheshkov, V.V. Leont'yev and others. Leningrad: Nauka, 1987. 286 p. (In Russian)
36. NARS (Ya). f. 17-i. Inv. 1, d. 3345. 5 s.
37. NARS (Ya). f. 17-i. Inv. 1, d. 3345. p. 2.
38. Zibarev V.A. Soviet construction of the minority peoples of the North (1917-1932 y.y.). Tomsk: Tomsk University Press, 1968. 334 p. (In Russian)
39. Report of Dalrevkoma and Dalekosa 1923-24 y.y. / M.P. Kopytin, P.Ye. Terletskiy. Khabarovsk, 1925. 570 p. (In Russian)
40. NARS (Ya). f. 225. Inv. 35, d. 27. p. 156-157.
41. NARS (Ya). f. 225. Inv. 35, d. 27. p. 26.

УДК 930.253

**Архивные источники по истории торговли спиртными напитками на Северо-Востоке России в конце XIX – начале XX в.
(фонды Национального архива республики Саха (Якутия))**

Оксана Петровна Коломиец

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН,
Российская Федерация
689000, Чукотский автономный округ, г. Анадырь, ул. Энергетиков, 15
Кандидат исторических наук, заведующая сектором комплексного исследования Чукотки
лаборатории истории и экономики
E-mail: okkolo@mail.ru

Аннотация. В статье исследован комплекс документов конца XIX – первой четверти XX в., которые хранятся в фондах Национального архива республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)) и касаются продажи спиртных напитков коренному населению Северо-Востока России. Документы имеют разную сохранность и источниковедческую ценность, отдельные документы и группы документов проливают свет на интересующую нас проблему торговли спиртными напитками в конце XIX – начале XX в. Якутские и Колымские купцы, американские предприниматели вели активную торговлю с аборигенным населением Северо-Востока России, в том числе с чукчами, юкагирами, эскимосами. Законодательство Российской Империи запрещало торговлю спиртом в местах расселения коренного населения, но факты незаконной торговли неоднократно фиксировались и разбирались в административных органах. Использование описанных исторических документов, с учетом имеющихся материалов, позволит более глубоко осветить вопросы, касающиеся роли русских купцов в торговле спиртом, способов административного регулирования вино-водочного рынка, о конкретных действиях властей по решению проблемы спаивания коренного, в том числе чукотского населения. Благодаря введению в научный оборот нового корпуса документальных источников появится возможность исследовать проблему торговли спиртными напитками на Северо-Востоке России в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: архивные источники, торговые отношения, спирт, незаконная продажа алкоголя, коренное население, чукчи, купечество, американские торговцы, государственный надзор, Северо-Восток России.